Братья Гримм

к-накройся, золотой осел и дубинка из

Давно тому назад жил на свете портной. Было у него три сына и одна единственная коза; она их всех молоком кормила, и потому приходилось за ней ухаживать как следует и каждый день гонять ее на пастбище.
Сыновья пасли козу каждый по очереди. Погнал ее раз старший сын пастись на кладбище, а трава росла там высокая да сочная, — вот коза щипала траву и прыгала. Вечером, когда надо было уже домой возвращаться, он у нее и спрашивает:
— Сыта ли ты, коза моя?
Ответила коза:
Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.
Ме-ме!
— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик. Взял ее за веревочку, привел в стойло и крепко привязал.
— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?
— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.
Но захотелось отцу самому в этом убедиться, и он пошел в стойло, погладил любимую свою козочку и спрашивает:
— Сыта ли ты, коза моя?
И ответила ему коза:
С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
И съела лишь былиночку.
Ме-ме!
— Что я слышу! — воскликнул портной, выскочил из стойла и говорит сыну:
— Эх ты, лгунишка, что же ты говоришь, что коза наша сыта, а она-то совсем голодная! — и, разгневавшись, он взял со стены свой аршин, побил сына и прогнал его со двора.
На другой день настал черед пасти козу среднему сыну. Вот нашел он в саду возле забора местечко, где трава была хорошая, и коза всю ее поела. Вечером он собрался домой и спрашивает:
— Сыта ли ты, коза моя?
А коза отвечает:
Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.
Ме-ме!
— Тогда ступай домой, — сказал мальчик, повел ее и крепко привязал к стойлу.
— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?
— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.
Но портной решил сам в этом убедиться. Он пошел в стойло и спрашивает:
— Сыта ли ты, коза моя?
И ответила коза:
Да как же мне быть сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!
— Ах ты, этакий злодей! — крикнул портной. — Такую смирную козу да еще заставлять голодать!
— И он выбежал из стойла, схватил аршин, отчесал им сына и прогнал его со двора.

Пришел черед младшему сыну козу пасти, и порешил он дело поставить лучше: нашел заросль с густою листвой и стал пасти там козу. Вечером, когда подошло время домой возвращаться, спрашивает он козу:
— Сыта ли нынче, коза моя?
И ответила коза:
Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.
Ме-ме!
— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик, повел ее в стойло и крепко-накрепко привязал.
— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?
— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа. — Но портной тому не поверил, пошел в стойло и спрашивает:
— Сыта ли ты, коза наша, нынче?
И ответила злая коза:
С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!
— Ах ты, лживая тварь! — воскликнул портной. — Все вы тут лентяи да негодяи! Ну, теперь уж в дураках меня не оставите! — и, разгневанный, он выскочил из стойла да так отчесал по спине бедного мальчика, что тот еле из дому выскочил.
И остался старик-портной один со своею козой. На другое утро зашел он в стойло, начал ласкать и гладить козу и говорит:
— Иди, моя милая козочка, я уж сам тебя поведу на пастбище. — Взял он ее за веревку и завел в зеленые кусты, где росла трава-деревей и другие растения, которые так любят щипать козы.
— Тут уж ты хоть раз, а вдосталь наешься, — сказал он и оставил ее пастись до самого вечера. А потом спрашивает ее:
— Сыта ли ты, коза моя?
И она ответила:
Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.
Ме-ме!
— Ну, так ступай тогда домой, — сказал портной, отвел ее в стойло и привязал крепко-накрепко.
Он ушел, а потом вернулся опять и спрашивает:
— Ну, что, а теперь-то ты сыта?
Но коза ответила то же, что и сыновьям:
С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!
Услыхал это портной да так и остолбенел; он понял, что понапрасну выгнал своих трех сыновей из дому.
— Погоди уж, — закричал он, — неблагодарная ты тварь! Тебя мало со двора прогнать, я тебе еще такую отметину сделаю, что ты честным портным и на глаза не покажешься!
Выскочил он из хлева, принес свою бритву, нагнул козе голову и выбрил ее наголо. Потом взял плетку и так отчесал козу, что пустилась она бежать от него со всех ног.

И остался портной один-одинешенек в своем доме. Стало ему очень грустно и захотелось теперь вернуть своих сыновей, да никто не знал, куда они девались.
Старший из них поступил в обученье к одному столяру и учился у него прилежно и старательно, и когда срок ему вышел и пришло время идти странствовать и работу искать, подарил ему мастер столик, с виду совсем неказистый, и сделан он был из простого дерева; но было у него одно свойство — если поставить его и сказать: «Столик, накройся!» — то добрый столик тотчас накрывался чистой маленькой скатертью, и стояли на нем тарелки, а рядом нож и вилка, и столько вареного и жареного, сколько места хватало, да еще большой стакан красного вина искрился так, что сердце прямо радовалось.
Вот молодой подмастерье и подумал: «Ну, этого-то мне, пожалуй, на целую жизнь хватит!» — и, довольный и веселый, отправился странствовать по свету; и его мало огорчало, хороша ли, плоха ли гостиница и можно ли там найти что поесть. Иногда он в нее и вовсе не заходил, а ставил свой столик перед собой, где ему было любо, будь то в поле, в лесу или на лугу, и говорил: «Столик, накройся!», и тотчас являлось все, что его душе было угодно.
Наконец подумал он, что пора бы ему и домой к отцу воротиться, — гнев у него, пожалуй, уже поостыл, а с таким столиком старик примет его назад охотно. Но случилось так, что по пути домой забрел он под вечер в гостиницу, а гостей там было полным-полно. Они поздоровались с ним и пригласили его присесть с ними вместе за стол и поужинать, а то трудно-де будет ему здесь что-нибудь получить.
— Нет, — ответил молодой столяр, — зачем я буду вас еще объедать, уж лучше вы будьте моими гостями.
Посмеялись они и подумали, что он над ними шутит. Но он поставил свой деревянный столик посреди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» И вмиг появились на нем кушанья, да такие вкусные, что подобных и сам хозяин гостиницы не мог бы им предложить, и запах пищи приятно щекотал нос гостям.
— Ну, давайте начнем, дорогие друзья, — сказал столяр.
И гости поняли его как должно и не заставили себя долго упрашивать, подсели к столику, достали свои ножи и смело принялись за еду. И что удивило их больше всего — это то, что когда они съедали одно кушанье, то вмиг появлялось само собой на его место другое. А хозяин стоял в сторонке и все это видел; он не знал, что ему и сказать, и подумал: «Да, такого повара и мне в хозяйстве неплохо бы иметь».
Столяр и его гости веселились до самой поздней ночи и наконец улеглись спать, а с ними и молодой подмастерье, а столик свой волшебный он поставил к стене. Но хозяину гостиницы мысли о нем не давали покоя; он вспомнил, что у него в кладовой стоит старый столик, точь-в-точь похожий на этот, и он его принес и тихонько подменил волшебный столик своим.
На другое утро столяр уплатил деньги за ночлег, взял столик, не подозревая, что его подменили, и отправился своим путем-дорогой дальше. К полудню пришел он к отцу, и тот встретил его с большой радостью.
— Ну, дорогой сынок, чему же ты научился? — спросил он его.
— Стал я, батюшка, столяром.
— Что ж, это хорошее ремесло, — ответил старик, — а что ты принес домой, что заработал во время странствий?
— Батюшка, самое дорогое, что я принес с собой, — это вот этот столик.
Осмотрел его портной со всех сторон и говорит:
— Что ж, сделан-то он неважно, столик старый и плохой.
— Но ведь это «столик-накройся», — ответил сын, — если поставить его да сказать, чтоб он

накрылся, то появятся на нем тотчас самые прекрасные блюда, да еще и вино, чтоб сердцу было веселей. Вы вот пригласите всех родных и друзей, пусть попируют и попьют, — столик их всех накормит.

Вот собрались гости. Взял он свой столик, поставил его посредине комнаты и говорит: «Столик, накройся!» Но столик даже и не пошевелился и остался таким же пустым, как и всякий другой, который слов не понимает. Понял тогда бедный подмастерье, что столик-то ему подменили, и стыдно стало ему, что оказался он перед гостями лгуном.

Посмеялись над ним родственники, и пришлось им не солоно хлебавши домой возвращаться.

Достал портной опять свое тряпье и принялся снова за шитье, а сын поступил к мастеру на работу.

Средний сын попал к мельнику и поступил к нему в обученье. Когда ему вышел срок, мастер сказал:

— Ты работал хорошо, и вот за это дарю я тебе осла не простого, а особенного, — в упряжку он не годится и мешков тоже таскать не станет.

— Да на что же он мне тогда нужен? — спрашивает молодой подмастерье.

— Он золото выплевывает, — ответил мельник, — ежели поставить его на платок и сказать: «Бриклебрит!», то доброе животное станет выплевывать золотые и сзади и спереди.

— Дело это хорошее, — сказал подмастерье, поблагодарил мастера и отправился странствовать по свету. Когда он нуждался в деньгах, то стоило ему только сказать своему ослу: «Бриклебрит!», и тотчас сыпался дождь золотых, и одна была лишь работа — подымать их с земли.

И куда ни приходил молодой мельник, подавали ему самое что ни на есть лучшее и самое дорогое, ведь денег-то у него был полон кошелек.

Насмотрелся он всего на свете и подумал: «Что ж, надо бы, пожалуй, теперь и отца проведать, если явиться к нему с золотым ослом, то он, наверно, и гнев свой позабудет и встретит меня хорошо». И случилось так, что попал он в ту же самую гостиницу, в которой его брату подменили столик. Он вел своего осла под уздцы, и хозяин хотел было взять у него осла и привязать его к стойлу, но молодой подмастерье сказал:

— Вы, пожалуйста, не трудитесь, своего серого я уж сам отведу в стойло и сам привяжу, я должен знать, где он будет находиться.

Хозяину это показалось странным; он подумал, что у того, кто должен сам ухаживать за своим ослом, денег-то, пожалуй, не очень густо; но когда незнакомец сунул руку в карман и достал оттуда два золотых и велел дать ему поесть чего получше, то хозяин от удивления глаза вытаращил, побежал и достал самое лучшее, что у него было.

После обеда гость спросил, сколько он должен заплатить; ну, тут уж хозяин мелу не пожалел, подсчитал вдвое больше, чем следует, и сказал, что надо доложить еще два золотых. Сунул подмастерье руку в карман, а золота в нем больше не оказалось.

— Хозяин, вы подождите маленько, — сказал он, — я пойду и принесу вам золотые, — и взял с собою скатерть.

Хозяин не знал, что бы это должно значить; стало ему любопытно,
и он пробрался следом за гостем, и когда тот закрыл двери конюшни на засов, стал он подглядывать в щелку. Гость разостлал под ослом платок, крикнул: «Бриклебрит!» — и вмиг посыпалось золото из осла и сзади и спереди, и нападало его на землю немало.

— Вот она чертовщина какая! — сказал хозяин.— Да ведь это всё новенькие дукаты! Таких и целый кошелек бы неплохо!

Гость оплатил свой трактирный счет и улегся спать. А хозяин пробрался ночью на конюшню, вывел оттуда монетных дел мастера, а на его место привязал другого осла.

На другое утро, только стало светать, отправился подмастерье дальше со своим ослом, думая, что

это и есть его золотой осел. К полудню явился он к своему отцу; тот очень ему обрадовался и принял его ласково.
— Ну, скажи, сынок, что ж из тебя вышло? — спросил старик.
— Стал я мельником, милый батюшка, — ответил он.
— А что же принес ты домой из своих странствий?
— Да вот одного лишь осла.
— Ослов-то и здесь достаточно, — заметил отец, — лучше бы ты привел хорошую козу.
— Так-то оно так, — ответил сын, — но ведь это осел не простой, а золотой, — скажу я ему: «Бриклебрит!», и навалит он вам на платок целую кучу золота. Вот созовите родных, я всех их сделаю богачами.
— Это дело подходящее, — сказал портной, — теперь незачем мне будет с иглой мучиться, — и побежал тотчас сам и созвал всех родичей в гости. Собрались гости, и вот просит мельник очистить место, расстилает свой платок и приводит осла в комнату.
— Теперь смотрите, — сказал он и крикнул: «Бриклебрит!», но было то не золото, что на пол упало; и стало всем ясно, что этот осел искусству такому не обучен; да оно и верно, что не всякий осел на это способен бывает.
У бедного мельника лицо так и вытянулось; он понял, что его обманули; и стал он просить у родных прощенья, что придется им домой возвращаться такими же бедными, как и раньше. И ничего больше не оставалось, как взяться старику опять за свою иглу, а подмастерью поступить на работу к мельнику.
Младший брат попал в обучение к одному токарю, а ремесло это тонкое, вот и пришлось ему дольше всех учиться. Но братья написали ему письмо и сообщили, какая беда с ними приключилась и как в самый последний вечер хозяин гостиницы украл у них их волшебные вещи.
Вот обучился токарь своему ремеслу, и настала пора ему странствовать, работу искать, и подарил ему мастер за хорошее поведение мешок и сказал:
— А лежит в этом мешке дубинка.
— Ну, мешок-то я могу положить себе на плечи, он может мне, пожалуй, и пригодиться, но дубинка на что? От нее только тяжесть одна.
— А вот я тебе объясню, — ответил мастер: — ежели тебя кто обидит, то стоит тебе только сказать: «Дубинка, из мешка!» — и тотчас выскочит она и бросится на людей и станет так весело по их спинам отплясывать, что целую неделю им нельзя будет ни двинуться, ни пошевельнуться; и не остановится она до тех пор, пока ты не скажешь: «Дубинка, в мешок!»
Поблагодарил подмастерье своего хозяина, повесил мешок за плечи, и если кто-либо подходил к нему близко, собираясь на него напасть, то он говорил: «Дубинка, из мешка!» — и мигом дубинка выскакивала и начинала у одного за другим кафтан или куртку на спине выколачивать, да не ожидая, пока ее тот снимет; и так она это делала проворно, что не успеет один и оглянуться, как тут черед и другому подходит.
Пришел молодой токарь под вечер в ту самую гостиницу, где братьев его обманули. Положил свой мешок на стол и стал рассказывать про всякие диковины, которые ему пришлось повидать на свете.
— Да, — сказал он, — бывают этакие столики-самобранки, а бывают еще и ослы золотые и всякая всячина; вещи-то они хорошие, что и говорить, смеяться над этим не приходится, но все это ничего не стоит перед богатством, что удалось мне добыть, а лежит оно у меня в мешке.
Тут хозяин и навострил уши: «Что же оно может быть такое? — подумал он. — Должно быть, мешок полон драгоценных камней. Неплохо бы мне и его заполучить, ведь хорошее-то случается всегда трижды».
Вот подошло время ложиться спать, и завалился гость на скамью и положил себе под голову свой

мешок вместо подушки. Хозяин, решив, что гость спит глубоким сном, подошел к нему, ухватился за мешок и ну его тащить тайком да поосторожней, чтоб подменить его другим.
А токарь только этого и ждал; только хозяин хотел было мешок вытащить, токарь крикнул: «Дубинка, из мешка!» И как выскочит дубинка, да прямо на хозяина и здорово-таки намяла ему бока. Стал хозяин просить пощады, но чем громче кричал он, тем сильнее, да еще в такт, колотила дубинка его по спине, пока, наконец, не упал он без чувств наземь.
И сказал тогда токарь:
— Если ты не вернешь «столика-накройся» и золотого осла, то дубинка начнет плясать снова.
— Ой, нет! — застонал еле слышно хозяин. — Я все охотно верну назад, скажи только своему домовому, чтобы он убрался опять в мешок.
И ответил ему подмастерье:
— Ладно, я тебя помилую, но смотри, берегись!
Он крикнул: «Дубинка, в мешок!» — и дубинка оставила хозяина в покое.
На другое утро отправился токарь со «столиком-накройся» и золотым ослом домой к своему отцу. Обрадовался портной, увидев снова своего сына, и спросил его тоже, чему он в чужих краях научился.
— Дорогой батюшка, — ответил тот, — я токарем сделался.
— Это тонкое ремесло, — сказал отец, — ну, а что же принес ты с собой из странствий?
— Дорогую вещицу, милый батюшка, — ответил сын, — дубинку в мешке.
— Что? — закричал отец. — Дубинку? Стоило еще трудиться! Да ведь ее же можно из каждого дерева вытесать.
— Да, но, пожалуй, не такую, милый батюшка; стоит мне только сказать ей: «Дубинка, из мешка!», и вмиг выскочит она и заставит того, кто плохо со мной обращается, так заплясать, что на земле лежать будет да просить о пощаде. Вот видите, благодаря этой дубинке я вернул назад и столик и золотого осла, который отнял вороватый хозяин гостиницы у моих братьев. Теперь позовите их обоих и пригласите всех родных, я всех досыта и угощу, и напою, и полные карманы им золотом набью.
Старик-портной не поверил было тому, однако ж созвал всю родню. Вот разостлал токарь в комнате платок, привел золотого осла и сказал своему брату:
— Ну, милый братец, поговори-ка с ним.
И сказал мельник: «Бриклебрит!» — и тотчас стали падать на платок дождем червонцы; и осел делал это до тех пор, пока у всех золота стало столько, что его еле можно было дотащить.
(А по тебе видать, что и ты не прочь был бы там побывать!)
Потом токарь принес столик и сказал:
— Ну, братец, поговори-ка ты с ним.
И только столяр вымолвил: «Столик, накройся!», — он уже и скатертью был покрыт, и весь богато уставлен самыми прекрасными блюдами.
Тут начался пир, — и не было за всю жизнь у портного в доме такого обеда, и вся родня засиделась до самой поздней ночи, и все были веселы и довольны.
И запер портной в свой шкаф иглу и нитки, аршин и утюг и стал жить да поживать вместе со своими сыновьями в радости и в богатстве.
— Ну, а куда же девалась коза, что была причиной тому, что прогнал портной из дому своих сыновей?
— Это я тебе сейчас расскажу. Стыдно ей стало, что бритая у нее голова, вот и забежала она в лисью нору да там и спряталась. Вернулась лиса домой, видит — поблескивают в темноте ей навстречу два больших глаза, — испугалась она и убежала. Встретился ей по дороге медведь,

видит, что лиса в большом смущенье, и спрашивает у нее:
— Что это с тобой, лисичка-сестричка, чего это у тебя такой испуганный вид?
— Ох, — отвечает рыжая, — страшный зверь засел у меня в норе и таращит на меня огненные глазища.
— Да мы его враз выгоним, — говорит медведь, и пошел с ней к норе и заглянул туда; но как увидел огненные глазища, тут страх на него и напал: что тут со страшным зверем поделаешь? И давай медведь из норы ходу. Тут повстречалась ему пчела; заметила она, что медведю как-то не по себе, и спрашивает:
— Медведь, чего это у тебя вид такой мрачный, куда девалась твоя веселость?
— Тебе-то хорошо рассуждать, — ответил медведь, — а вот у лисы в доме засел страшный зверь, глаза выпучил, и выгнать его мы никак не в силах.
И сказала пчела:
— Жаль мне тебя, медведь; хоть я существо слабое и бедное и вы на меня и глядеть не хотите, но я все-таки могу вам помочь.
И она влетела в лисью нору, села козе на бритую голову и так больно ее ужалила, что та так и подпрыгнула, да как закричит: «Ме-ме!» и как угорелая выскочила оттуда. И никто до сих пор так и не знает, куда она забежала.